

<ЖИТЕЙСКИЕ НЕВЗГОДЫ>

(В ПЕРЕСКАЗЕ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО)

Знакомство это относится к 1841 или, еще вернее, к 1842 году¹, то есть к тому темному периоду существования поэта, когда он изыскивал всякие средства, чтобы не быть затертым нищетой и безвестностью. Крайне нуждавшийся Некрасов приютился тогда у некоего профессора Бенецкого, имевшего у себя несколько воспитанников для приготовления в разные петербургские школы; юнкер Лорис, посещая одного из этих пансионеров, познакомился тут же и с Некрасовым. Как раз около этого времени Лорис и его однокашник Нарышкин задумали нанять себе маленькую квартирку в городе, чтобы иметь собственный приют, так как их, как выпускных юнкеров, отпускали не только на праздники, но позволяли отлучаться из школы и среди недели; Некрасов, узнав об этом плане, тотчас же предложил, чтобы и его приняли в компанию, и они втроем наняли себе квартирку где-то около Николаевской, в то время грязной, в доме Шаумана. Зажиточностью товарищество похвастать не могло: Лорис получал от родителей двадцать пять рублей ежемесячно, Нарышкин столько же, а Некрасову в описываемое время отец ничего не давал, и только изредка, в неправильных промежутках и понемногу, высылала ему мать, да, кроме того, он состоял корректором в "Репертуаре и Пантеоне" Ф. Кони и сдавал в этот же журнал свои плохо оплачиваемые стихи, так что весь его доход едва ли превышал доходы его сожителей². Все трое были очень молоды, любили весело пожить и, получивши свои небольшие доходы, чрезвычайно быстро спускали их с рук и потом, в ожидании следующей получки, впадали в меланхолию и жили отшельниками. Вот в эти-то тощие недели и периодические безденежья Некрасову приходилось особенно бедствовать и терпеть от голоду и холоду, тогда как для его товарищей юнкеров школа служила спасительной пристанью, в которой они имели все необходимое. Некрасов уже и тогда очень любил писать стихи, но выше заурядности не поднимался, и, по словам Лориса, трудно было предположить, чтобы впоследствии мог выработаться из него такой сильный поэтический талант; однако и тогда он отличался большим остроумием и наблюдательностью, которую прилагал особенное старание развивать в себе, заводя для того знакомство повсюду и с самыми разнообразными личностями; он и Лориса нередко увлекал с собой для компании в гости к разным мелким чиновникам, жившим по окраине Петербурга, а однажды, чисто для изучения типа, он свел дружбу с полицейским сыщиком, приглашая его к себе и потом с большим остроумием изображал Лорису характерные особенности своего нового знакомого. Остался от этого сожителства еще один забавный эпизод в памяти Лориса, и который он передавал с неподражаемым юмором: раз на Рождестве Некрасов предложил ему отправиться, замаскировавшись обоим, на вечеринку к одной чиновничьей семье в Измайловский полк; они вечером зашли в костюмерную лавочку, выбрали для себя костюмы, Некрасов - венецианского дожа, а Лорис - испанского гранда, и, тут же переодевшись, оставили у костюмера свое платье и условились, что они на следующее утро заедут за своим платьем и тогда заплатят и за костюмы. Взяли карету и отправились; еще дорогой они проверили свои капиталы, - хватит ли их на уплату за экипаж и костюмы? - и нашли, что хватит; но случилось так, что с вечеринки они заехали еще куда-то, что-то выпили и, только возвращаясь под утро домой, спохватились, что у них неостанет денег на выкуп платья. Лорис живо вспоминал себе этот трагикомический день, когда они сначала бегали в маскарадных костюмах по своей нетопленной квартире, тщетно стараясь согреться в коротеньких тогах и в длинных чулках вместо панталон и недоумевая, как выйти им из такого нелепого положения, и как потом, чтобы отогреть окоченевшие члены, они решили пожертвовать для растопки печи одним стулом из своей убогой мебелировки и поддерживали огонь мочалкой, выдернутой из дивана, а сами расселись на полу перед печкой, на ковре, привезенном Некрасовым из деревни; скоро заговорил в них голод, а есть было решительно нечего и купить было не на что, и только после долгих переговоров лавочник, у которого были раньше заложены две серебряные ложки, единственная драгоценность Некрасова и подарок его матери, согласился отпустить им в долг студени, и дождь и гранд благородно поделили между собой эту незатейливую трапезу. Приятели разослали в разные концы записки к знакомым с просьбой их выручить, но отовсюду получили отказ, и лишь к вечеру Нарышкин добыл денег и выручил их из беды. Вскоре после этого сожителство с Некрасовым прекратилось, не по причине какого-нибудь разлада, а просто по изменившимся обстоятельствам; Лорис вышел в офицеры, и приятели потеряли друг друга из

виду, а когда, примерно года через два, Лорис столкнулся с Некрасовым на Невском и последний затащил его к себе на квартиру у Аничкова моста, то дела поэта, видимо, уже стали процветать: и сам он ходил щеголем, и квартира его была меблирована не без изящества. Это было их последнее свиданье. Лорис уехал вскоре на Кавказ и не возвращался в Петербург до 1878 года; Некрасов же умер в 1877 году; только когда Лорис состоял уже начальником Терской области, он получил письмо от Некрасова, в котором поэт, напоминая их прежние отношения, просил его принять участие в литературном Благовещенском, отправленном по болезни на Кавказ, на продолжительное житье и без всяких средств к существованию, и Лорис исполнил просьбу старого приятеля³. Я нарочно рассказал подробно все, что знал о сношениях Лориса с Некрасовым, потому что, с одной стороны, факт этот может послужить для биографов того и другого, а с другой, объяснить отчасти ту любовь к поэзии и к литературе, которую питал Лорис, <...>

Примечания

Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825--1888) - государственный и военный деятель, принадлежавший к "верхам" самодержавной России. Его знакомство с Некрасовым относится к началу 40-х годов, когда он учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Свои воспоминания о Некрасове он рассказал врачу Н. А. Белоголовому который опубликовал их в мемуарном очерке "Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. 1878--1888" (РС, 1889, No 9).

Печатается по журналу "Русская старина", 1889, No 9, стр. 599--601.

¹ Стр. 48. Знакомство Некрасова с Лорис-Меликовым не могло состояться в 1842 г. Мемуарист припоминал факт присылки Некрасову денег его матерью, а она умерла в июле 1841 г. Некрасов в 1875 г., в разговоре с Сувориным, вспоминая свою репетиторскую деятельность "по русским предметам" по поручению преподавателя Павловского кадетского корпуса Г. Ф. Бенецкого, называл Лорис-Меликова своим учеником ("Прометей", т. 7, 1969, стр. 288). Лорис-Меликов поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1841 г. Следовательно, начало знакомства относится к 1840--1841 г.

² Стр. 49. В журнале "Пантеон русского и всех европейских театров", издаваемого Ф. А. Кони, Некрасов в 1841 г. вел отдел "Летопись русского театра" и до 1845 г. был одним из деятельнейших его сотрудников.

³ Стр. 51. Письмо Некрасова Лорис-Меликову о помощи литератору-демократу Н. А. Благовещенскому не сохранилось. Известно, что благодаря просьбе Некрасова и содействию Лорис-Меликова Благовещенский получил в 1875 г. место секретаря Терского статистического комитета и редактора неофициальной части "Терских губернских ведомостей" (см. ЛН, т. 51--52, стр. 123).